

Щупленков Николай Олегович

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭМИГРАНТСКОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ (1920-1930-Х ГГ.)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/2/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (57). С. 39-40. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 93

*Николай Олегович Щупленков**Ставропольский государственный педагогический институт***СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭМИГРАНТСКОЙ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ (1920-1930-Х ГГ.)©**

Произошедшие в России в начале 1990-х гг. общественно-политические и экономические преобразования вызвали повышение интереса к истории русской эмиграции 1920-30-х гг. Современная отечественная историография опирается на довольно обширную источниковую базу, широко используются неопубликованные материалы [2; 4], что дает возможность дать объективную оценку деятельности зарубежных русских образовательных центров.

1917 год расколол российское общество на два противостоящих лагеря: сторонников коммунистов, большевиков и тех, кто или не принял социалистическую революцию вообще, или принял, но с известной осторожностью. Накал политических и военных страстей привел к массовой эмиграции не только русских, но и представителей других народов и национальностей. Сколько же подданных бывшей царской России выехало за рубеж? Точных данных до сих пор нет. Трудность заключается в квалификации самого понятия «эмигрант», «эмиграция» применительно к тому времени. Ведь помимо политической эмиграции, часть покинувших Советскую Россию составляли люди, уехавшие не по политическим мотивам, а, например, на работу в Европу, Турцию, Америку, Китай, Австралию. Кроме того, из Европы не вернулось много бывших военнопленных, попавших в немецкий или австрийский плен во время Первой мировой войны. Еще до начала Первой мировой войны из России уехало примерно 2,5 миллиона человек [11, с. 56]. В 1918-1922 гг. огромный размах получила политическая («белая») эмиграция; ее численность, по оценкам В. А. Тишкова, составляет примерно 1,5-2 миллиона человек. С. И. Карцевский полагал, что в начале 1920-х годов находилось «более двух миллионов эмигрантов, покинувших советскую Россию, а также бывшие военнопленные, часть из которых до сих пор еще находится интернированной в концентрационных лагерях» [7, с. 24]. Именно об этой группе вынужденных беглецов чаще всего и говорят как о собственно эмиграции.

Справедливости ради, приведем и другие цифры по численности русской эмиграции. В 1929 году Ф. Нансен, верховный комиссар Лиги наций по делам военнопленных, представил отчет, заключавший в себе новейшие на тот момент данные о числе русских беженцев в разных странах. Вот некоторые его цифры. Общее количество всех русских беженцев в Европе, Китае и Японии определялась в рапорте комиссии цифрой в 920000 человек. Из них 48516 были признаны нетрудоспособными: увечными, инвалидами, детьми. В комиссии, возглавляемой Нансеном, не имелось последних сведений о числе беженцев в Великобритании (раньше они насчитывали всего 4000 человек), Бельгии, Голландии и Норвегии [5]. Пожалуй, максимальную цифру первой волны эмиграции называл И. А. Бунин в речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г.; в ней он восклицал: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов...». Очевидно, эта оценка Бунина могла быть гиперболическим преувеличением, его слова - скорее риторико-патетический прием, привлекающий внимание правительств зарубежных стран к судьбе русских беженцев.

Современные исследователи единодушно считают цифры в рапорте Нансена явно заниженными. Так, Б. Хазанов приводит цифру 1,16 миллиона, но при этом сомневается в ней и полагает, что ее нужно поднять, так как в работах Ленина есть указание на то, что скорее всего численность эмигрантов от 1,5 до 2 миллионов [12, с. 176]. Другие исследователи - Ю. И. Емельянов, Ю. А. Поляков, С. Максудов, В. М. Кабузан - полагают, что выехало примерно (или даже чуть больше) 2,5 миллиона человек [3, с. 110; 6, с. 220; 8, с. 202; 9, с. 117-119], однако эту планку чуть опускает М. Г. Вандакковская: от 2 до 2,5 миллиона [1, с. 53]. Очевидно, точных данных нет, и они едва ли будут получены в будущем, так как надо учитывать процессы ассимиляции (растворения в массе населения страны-приюта) и реэмиграции (возвращения на Родину). Учет этих данных в то время, понятно, никто не вел. Как бы то ни было, даже несмотря на значительный разброс цифр, ясно одно: количество выехавших из России огромно, это была не просто эмиграция, это был своеобразный исход (неслучайно сами эмигранты сравнивали свое беженство со страданиями евреев, описанных в Библии, и сами именовали свое вынужденное бегство этим библеизмом). Барон Б. Э. Нольде грустно замечал: это не «эмиграция русских», это «эмиграция России».

Изучение эмигрантской прессы с точки зрения патриотической направленности - центральный исследовательский вопрос данной работы. Самое понятие «эмиграция» в современном дискурсе рассматривается с различных точек зрения: и как вынужденное или добровольное переселение из одной страны в другую, и как некоторая совокупность проживающих в той или иной стране лиц, и как уходящее корнями в историю явление, и как способ сохранить культурные, языковые традиции за пределами этнической территории. Отношение государства к эмиграции в разные исторические периоды могло значительно варьироваться.

Оказавшись за границей, русские эмигранты поразительно быстро наладили выпуск изданий: газет и журналов, которые служили важным средством духовного, религиозного, культурного объединения русских, разобщенных или в пределах одной страны, или разбросанных по всему миру. Причины повышенного

внимания к прессе и, как следствие, быстрого основания печатных органов мотивировались острой необходимостью в оперативной доставке информации русскоязычной публике. Газеты и журналы, выполняя информационно-консолидирующую функцию, заняли практически единственно возможную нишу. Радиостанции, которые стали получать широкое распространение в Европе в 1920-е годы, были фактически недоступны эмигрантам даже при наличии достаточных денежных средств, так как требовалась государственная лицензия на их открытие [10, с. 7]. Эпистолярные формы поддержания контактов не отвечали потребностям массового охвата и информирования единомышленников. Личные контакты и встречи эмигрантов (особенно если они жили в разных странах) затруднялись визовым режимом, сдерживались финансовыми возможностями. Поэтому естественно, что главную роль в консолидации русских беженцев выполняла пресса.

Газетно-журнальные публикации уже давно, еще до революции 1917 г., стали для российского читателя более актуальным и действенным способом общественных дискуссий, чем литература. Развитая инфраструктура дореволюционной (особенно послефевральской 1917 г.) прессы, политический диапазон которой охватывал все направления общественной мысли: от крайне правого, черносотенного, до крайне левого (анархистского), - фактически была перенесена и в эмиграцию. Эмигрантские газеты и журналы сохраняли такой же разброс мнений, причем характерно, что каждая политическая группа, культурно-просветительское объединение не столько стремилось примкнуть к уже существовавшим печатным органам, сколько выпускать свою газету или журнал. Второй причиной бурного роста числа эмигрантских газет был социальный и поколенческий разрыв. Поколенческие разногласия проявлялись в том, что молодые журналисты обычно не могли пробиться в солидные газеты и журналы, которые представляли собой чаще всего корпоративную, сложившуюся еще в дореволюционный период структуру. Социальные разногласия заключались в неудовлетворенности молодых идеологическим качеством публикаций в печатных органах представителей старшего поколения. Дело в том, что все первые годы эмигрантская публицистика по сути была занята выяснением двух коренных вопросов: «как большевикам удалось захватить власть» и «кто в этом виноват»? Второй вопрос касался будущего «большевистской системы» [Там же, с. 5]. Эмигранты старшего поколения явно не были склонны к покаянию и признанию своей вины, напротив - очень часто они обвиняли друг друга, сваливая всю вину за случившуюся трагедию (по крайней мере, хотя бы в этом они были едины!) на своего политического или идеологического оппонента.

Список литературы

1. **Вандалковская М. Г.** Русская эмиграция в XX веке // Московский журнал. М., 2004. № 3. С. 53-61.
2. **Галушко Ю. А., Колесников А. А.** Школа российского офицерства: исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. 223 с.
3. **Емельянов Ю. Н.** Историческая наука русского зарубежья. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е - середина 1930-х годов) // История и историки. М., 2003. № 1. С. 108-141.
4. **Ершов В. Ф., Пивовар Е. И.** Военно-учебные заведения и военно-научная мысль Белой эмиграции в 1920-30-е гг. М., 1999. С. 17-32.
5. **Иностранец.** М., 1999. № 44.
6. **Кабузан В. М.** Русские в мире. СПб., 1996. 352 с.
7. **Карцевский С. И.** Русская школа за границей // Своими путями. Прага, 1925. № 8-9. С. 17-41.
8. **Максудов С.** Потери населения СССР. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1989. 298 с.
9. **Поляков Ю. А.** Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.
10. **Публицистика русского зарубежья (1920-1945): сб. ст.** М.: Союзполиграфпром; Фак. журналистики МГУ, 1999. 351 с.
11. **Тишков В. А.** Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 42-63.
12. **Хазанов Б.** Отечество изгнанных // Знамя. М., 1999. № 12. С. 176-180.

УДК 34

*Наталья Ивановна Ярошенко
Российский университет дружбы народов*

КОНСТИТУЦИОННОСТЬ, УСТАВНОСТЬ И ЗАКОННОСТЬ КАК БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ОТЛИЧИЯ ВИДОВ НОРМОКОНТРОЛЯ©

В обеспечении верховенства Конституции России, защите прав и свобод человека и гражданина, построении правового демократического государства, формировании единого конституционно-правового пространства России, устранении и разрешении коллизий в законодательстве, в формировании конституционализма в стране огромную роль играет нормоконтроль, осуществляемый судебной властью в России. В последние годы в стране наблюдается масштабный рост противоречий региональных и местных правовых актов федеральной Конституции и федеральному законодательству. Однако пробельность, противоречивость и недостаточная конкретизация законодательной основы нормоконтроля, «конкурирующая» компетенция в данной